

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

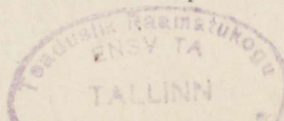
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Еще раз о происхождении показателя внешнеместных падежей.

Как известно, в прибалтийско-финских языках существует серия внешнеместных падежей с характерным признаком *l*, напр.: эст. *põllul* 'на поле', *põllult* 'с поля', *lauale* 'на стол', фин. *pellolla* 'на поле', *talolta* 'от дома'. Внешнеместные падежи обычно обозначают либо местонахождение на поверхности чего-либо, либо движение к чему-нибудь или от чего-нибудь. Местоположение внутри предмета или движение во внутреннюю сферу его передают внутреннеместные падежи, напр.: эст. *toas* 'в комнате', *toast* 'из комнаты', фин. *talossa* 'в доме', *talosta* 'из дома'.

В финно-угроведческой литературе происхождение элемента *l* получило определенное объяснение. «На прибалтийско-финской почве, — замечает Д. В. Бубрих, — есть имена на *-la* (*-lä*), обозначающие коллектив или место, вроде *Kalevala* 'род или страна Калевы', *setälä* 'дом дяди'. В диалектах отмечаются выпадение *a* (*ä*), заканчивающего основу этих имен, перед первичным окончанием, начинающимся на *-n*, или *-t*. Таким образом, перед нами первичнопадежные формы вроде *sedällä* 'в доме дяди' (*-llä* здесь из *-lnä*), *sedältä* 'из дома дяди' ... Образования вроде *sedällä* 'в доме дяди', *sedältä* 'из дома дяди' и *sedälle(n)* 'в дом дяди', представлявшие собой первоначально первичнопадежные формы от имен вроде *setälä*, с течением времени были поставлены прямо в связь с именами типа *setä* 'дядя' и соответственно были переоценены как со стороны формы (они стали расщепляться *sedä-llä*, *sedä-ltä*, *sedä-lle(n)* и т. п.), так и со стороны содержания (они стали пониматься как имеющие значения 'у дяди', 'от дяди', 'к дяде' и т. п.). Это означало не что иное, как появление *l*-овых внешнеместных падежей в первоначальной сфере их употребления» (Бубрих 1955 : 28).

Все казалось бы очень складно. Однако у этого рассуждения есть довольно серьезный недостаток. Оно не объясняет, почему показатель внешнеместных падежей *l* имеет в серии этих падежей вполне определенное значение, ср. *talolla* 'на доме', *talolta* 'от дома' и т. д. Этот *l* не показывает местоположения внутри какого-либо предмета или движение из внутренней части предмета. Такое значение не могло возникнуть случайно. Источник *l*-ового форманта должен был обладать подобным значением или значением, из которого могло бы развиваться современное значение. Однако формант *-la* (*setälä* 'дом дяди') таким значением не обладает. Откуда же оно появилось? Все это явно говорит о том,

что существующая гипотеза не верна по своей сути. В 1963 г. нами было сделано предположение, что элемент *l* произошел от какого-то древнего *l*-ового внешнеместного падежа. Таковым был древний *l*-овый суперэссив (Серебrennikov 1963: 48).

Некоторые другие языковеды тоже усомнились в существующей гипотезе. П. Хайду, например, писал о высказанной Т. Е. Уотила и Э. Моором интересной мысли о происхождении угорского *l*-ового аблатива: суффикс угорского аблатива, по-видимому, связан с показателем внешнеместных падежей *l* в финском и пермских языках (финский адессив на *-lla*, аллатив на *-lle*, аблатив на *-lta*), который можно связать с суффиксом *-la*, обозначающим место (фин. *Kalevala* 'местожительство Калевы', *etelä* 'место перед чем-либо, юг') (Hajdú 1966: 122—123). Однако с семантической точки зрения это новое предположение содержит еще много неясного. Как объяснить происхождение таких разных значений, как место, местоположение на поверхности чего-либо и удаление от чего-либо?

Мы предполагаем, что в уральском праязыке существовал особый местный падеж экстралокатив. Он обозначал местоположение, находящееся за пределами данного предмета: над, под, около, вблизи предмета и даже довольно далеко от него. Предположим, что фин. *talolla* в этих случаях — не 'на доме', а 'вне дома'. Нам представляется, что некоторые послелого и наречия современных финно-угорских языков хорошо сохраняют это древнее значение, ср. саамн *bággjël* 'над', *máŋŋel* 'после', *ow'dál* 'перед', *vuollet* 'под', мар. *лишыл* 'вблизи', морд. *васоло* 'далеко' и т. д. В дальнейшем уральский экстралокатив стал развиваться в двух направлениях: в одних языках он образовал серию внешнеместных падежей: в угорских был использован для образования аблатива, венг. *városból* 'из города', *könyvből* 'из книги', манс. *колныл* 'из дома', хант. (только в наречиях) *talta* 'оттуда', *pəmälta* 'сверху' и т. д., где показателем аблатива фактически является *l*, *l̄*. Понятие местонахождения за пределами данного предмета могло быть переосмыслено как местонахождение на чем-то или же оно оказалось связанным с идеей вывода чего-либо наружу. Отсюда развивалось значение обско-угорского аблатива.

Не исключена возможность, что показатель уральского экстралокатива генетически связан с некогда существовавшим в удмуртском языке словом *ла* 'сторона'. В современном удмуртском языке оно исчезло, но сохраняется в составе послелогов (удм. *шур ласянь* 'от реки').

2. О происхождении объектного показателя *-l-* в обско-угорских языках.

В обско-угорских языках существует т. н. объектное спряжение. Его формы содержат обычно показатель объекта 3 л. ед. ч. манс. *l* и хант. *l̄*. Манс. ед. ч. 1 л. *тоти-л-ум* 'я несу это', 2 л. *тоти-л-ын*, 3 л. *тоти-т-е*, мн. ч. 1 л. *тоти-л-ув*, 2 л. *тоти-л-ын*, 3 л. *тотияңыл*. В хантыйском языке показатель объекта *l* выступает только в 3 л.: *л'ув тэл'л'э* 'он принесет его'. Он может появляться также во 2 л. мн. и дв. ч.: *нын тэл'л'эн* 'вы принесете его', *нын тэл'л'ын* 'вы двое принесете его'. Есть основания полагать, что в основе этого показателя лежит переосмысленный суффикс многократных глаголов *-l-*.

В пермских языках многократный суффикс *-l-* может использоваться в качестве показателя множественности объектов действия: коми *партизанъяс босьталöны каръяс* 'партизаны берут города' (*-ал-* указывает на множество объектов); *ме кыскалі снарядъяс* 'я таскал снаряды'; *сьыліс сьыланкывъяс* 'он пел песни'; *сийö индавліс*

ориентиръяс 'он показывал ориентиры'; пу идолъяс вылө ошлывлө-маось дона зверь куяс 'на деревянных идолах вешали дорогие звериные шкуры'; Глотова дорысь берегсö выис кырöдö и лыа вылө шыблалө важся пемöсьяслысь лыяссö 'около Глотова река размывает берег и выбрасывает на песок кости мамонтов'; манастыръяслы частö сетавлісны святöйяслысь нимъяс 'монастырям часто давали имена святых'; XV—XVII нэмъясö мойöс кыйлісны на став Коми му пасьтала 'в XV и XVII веках за бобрами охотились (букв. бобра убивали) во всей зырянской земле'; мылькъяс вылө важ йöз строитлісны укрепитöм городищеяс 'на холмах древние люди строили укрепленные городища'.¹

В удмуртском языке множество объектов передается часто глаголами на *-аны*, которые некогда содержали в себе многократный суффикс *-ал-*, сохранившийся только в формах 3 л. ед. и мн. ч., напр., *трос юантёс сетъяз* 'задавал много вопросов', *гожтэттёссэ чөм но чөм басъяз* 'он часто брал письма', *аэроплантёс ыстъяло* 'высылают аэропланы', *дядяй мыным павлинтёсты возматъяз* 'мой дядя показывал мне павлинов'. На множество объектов в удмуртском языке может указывать и многократный суффикс *-ыли-*: *собере ми ваньмы пичи жöккёсты нуллыны кутским, артэ-артэ одйг радэ пуктылим* 'затем мы все начали носить маленькие столы и ставили их друг за другом в один ряд'.

Любопытно отметить, что в селькупском языке существуют т. н. глаголы мультиобъектной совершаемости. Они обозначают действие, направленное на ряд однородных объектов или на различные части одного объекта. Общим элементом показателей рассматриваемой совершаемости является *-л* (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 224—225). Причем многократный суффикс *-л-*, выступая в роли показателя множественного числа объектов, одновременно выполняет функцию показателя объекта вообще. Не исключено, что в обско-угорских языках он был переосмыслен именно в этом направлении. Схематически это развитие можно изобразить таким образом: *-л-* суффикс многократного действия → показатель мн. ч. объектов → общий показатель объекта.

Если в пермских языках обнаруживаются только зачатки объектного спряжения в его наиболее простой форме, то это означает, что в уральском праязыке объектного спряжения не было.

3. Об исчезнувшем постпозитивном артикле *ət* в марийском языке.

Существовал ли в марийском языке определенный постпозитивный артикль, трудно сказать, так как в известных письменных памятниках прямые указания отсутствуют. Тем не менее есть косвенные данные, позволяющие предполагать его существование.

В марийском языке определенно-количественные числительные имеют две формы — полную и краткую: *ик, икте* '1'; *кок, кокыт* '2'; *кум, кумыт* '3'; *ныл, нылыт* '4'; *вич, визыт* '5'; *куд, кудыт* '6'; *шым, шымыт* '7'; *кандаш, кандаше* '8'; *индеш, индеше* '9'. Полная форма употребляется в тех случаях, когда числительные обозначают отвлеченное число или количество предметов без определяемого существительного. Каково же происхождение форманта *-ыт*, образующего полные формы числительных в марийском языке? На основании косвенных данных можно установить, что *-ыт* имел какое-то выделительное значение. Это доказывается тем, что порядковые числительные в марийском языке образуются от краткой формы числительных, ср. *кумшо* 'третий',

¹ Примеры заимствованы из коми литературы.

нылымше 'четвертый'. Форм, образованных от полных форм числительных типа *кумытымшо* 'третий' и *нылымше* 'четвертый', не существует, поскольку формант *-мшо*, *-мше* сам обладает выделительным значением.

Некоторые аналоги марийских полных форм числительных имеются и в удмуртском языке. Удмуртские числительные могут употребляться с выделительными суффиксами *-эз* (*-ез*), *-ыз*, напр., *витезлы колхозниклы* 'пяти колхозникам (из многих)' (Грамматика современного удмуртского языка 1962 : 148—149). Примеры: — *Тон кӧняетй бригадын вал?* — *Нылетйяз* '— Ты в какой (которой) бригаде был? — В четвертой' (Там же, с. 162). В удмуртских полных формах числительных суффиксы *-эз* (*-ез*), *-ыз* имеют явно-выделительное значение.

Не чуждо это явление и языку коми. Когда количественные числительные замещают определенное слово или употребляются без существительного, они изменяются по падежам как существительные и могут иметь притяжательные суффиксы *-ыд* и *-ыс* (Современный коми язык 1955 : 83).

В косвенных падежах указательного склонения эрзя-мордовского языка фактически представлены два определенных постпозитивных артикля: им. *кудо-сь* 'дом (определенный)', род. *кудонь-ть*, дат. *кудонь-ть-ень*, отл. *кудодо-нь-ть*, местн. *кудосонь-ть*. В этих формах элемент *ть* из *те* явно выступает в роли определенного постпозитивного артикля и потому можно полагать, что и в марийском языке некогда существовал выделительный постпозитивный артикль *-ыт*, который оказался очень удобным средством образования полных форм числительных, поскольку обеспечивал их субстантивацию.

Интересна параллель: выделительный суффикс *-ез*, *-ыз* в удмуртском языке, эмфатически выделяющий числительные, напр. *кык-ез* 'два', может выступать и в функции определенного артикля, ср. *гуждор вылын турунез чебер* 'трава на поляне красивая'. Здесь имеется в виду трава, которая на поляне (Серебренников 1963 : 131; пример: Поздеева 1948 : 127). Отсюда можно сделать вывод, что и в марийском языке выделительный суффикс *-ыт* в полных формах числительных также, возможно, мог выступать в роли постпозитивного артикля.

Определенный постпозитивный артикль *-ыт* в марийском языке оказался неустойчивым, чему способствовали следующие обстоятельства. Постпозитивный артикль *-ыт* оказался аналогичным суффиксу множественного числа, что вызвало совпадение таких форм, как *пушыт* 'лодка' (определенная) и *пушыт* 'лодки'. Основной причиной исчезновения определенного постпозитивного артикля в марийском языке, по-видимому, явилась необходимость устранения этой омонимии. Здесь вызывает затруднение одно обстоятельство. В пермских языках роль выделителей фактически выполняют притяжательные суффиксы 3 л. В языке коми такую роль может выполнять притяжательный суффикс 2 л. ед. ч. *-ыд*. Предполагаемый марийский артикль, по-видимому, не связан с притяжательными суффиксами. Он ближе всего к мордовскому определенному артиклю *ть*, выступающему в косвенных падежах.

4. О происхождении суффиксов *-ан*, *-он* в пермских названиях орудий.

В «Грамматике современного удмуртского языка» имеется раздел, в котором объясняется значение суффиксов существительных *-он* (*-ён*) и *-н*. Указывается, что они могут обозначать различные процессы типа *вераськон* 'беседа, разговор', *пиштон* 'сияние', *зымон* 'ныряние', *лобон* 'летание'. Однако раздел 5 вызывает некоторое подозрение. В нем сказано: «Многие существительные на *-он* (*-ён*) и *-н*, образованные от

глаголов, являются двусемантическими, а именно: обозначают отвлеченное действие, процесс, признак и предмет, имеющий определенное значение или выступающий как орудие. Например: *пукон* 'сидение (процесс, состояние)' и 'стул' (*пукыны* 'сидеть'); *портон* 'сверление, кружение воды в водовороте' и 'сверло, бурав' (*портыны* 'сверлить'); *тачыртон* 'трещание, треск' и 'трешетка' (*тачыртыны* 'трещать') *калтон* 'ловля рыб бреднем' и 'бредень' (*калтыны* 'ловить рыбу бреднем, сетью'), *зэчыран* 'качание' и 'качели' (*зэчыраны* 'качаться'), *нэлькон* 'комкание, толчение' и 'пест, толкушка' (*нэлькыны* 'комкать, толочь'), *чужон* 'подметание' и 'метелка, метла' (*чужыны* 'мести'), *шулан* 'свистение' и 'свисток, свистулька' (*шуланы* 'свистеть')» (Грамматика современного удмуртского языка 1962 : 113).

Необходимо отметить, что нечто подобное существует и в языке коми, где есть существительные с суффиксом *-ан*, например: *сёян* 'еда', *олан* 'период жизни', *пывсян* 'баня', *юан* 'питье', *кысян* 'вязание'. Но слова, обозначающие орудия, имеют то же окончание *-ан*: *сынан* 'гребень', *печкан* 'прялка', *куран* 'грабли', *пöлян* 'дудка', *вартан* 'цеп', *шыран* 'ножницы', *коккан* 'мотыга'. Прежде всего необходимо выяснить, как исторически могли возникнуть в пермских языках названия орудий.

В этом случае иногда полезны параллели. В тюркских языках есть названия орудий, характеризующиеся суффиксом *-кы*: тат. *пычкы* 'пила', шорск. *капкы* 'капкан', *ешки* 'весло' и т. д. Суффикс *-кы* первоначально имел модальное значение. Тюркологи отмечают, что в языках древней тюркской письменности существовало причастие абсолютного будущего времени с модальным значением долженствования или возможности. Основываясь на этом факте, можно объяснить происхождение вышеупомянутых названий орудий в различных тюркских языках: *пычкы* 'пила' — это 'то, чем можно резать' от *пыч-* 'резать', *капкы* — это 'то, чем можно схватить' от *кап-* 'хватать', *ешки* 'весло' — это 'то, чем можно грести' от *еш-* 'грести' и т. д.

Нельзя ли объяснить суффикс *-ан*, *-он* в пермских языках как суффикс, обладающий модальным значением? Возможность для этого имеется. Те же суффиксы (иногда с наращением формантов), действительно, в пермских языках обладают модальным значением.

В удмуртском языке существует причастие с суффиксом *-но* (*-оно*, *-ёно*). Оно выражает действие, которое необходимо совершить над предметом и которое воспринимается в качестве его пассивного признака, напр. удм. *дэрем в ирон о сатинэз* 'сатин, из которого надо сшить рубаху'; *кизёно кидысез* 'семена, предназначенные для сева'; *та гурезё интые лыктоно экспедиция* 'экспедиция, которая должна прибыть в гористую местность'.

Аналоги этого причастия имеются и в языке коми: *гижан письмо* 'письмо, которое должно писаться', *кõдзан сю* 'зерно, которое должно быть посеяно', *велõдан морт* 'человек, которого должны учить'. Недалеко от с. Яренска Ленского района Архангельской области есть озеро Себентьевское, которое иногда называют Себентий. Установить этимологию этого названия сравнительно нетрудно. Оно представляет собой испорченное коми *Сибдан ты* 'озеро, в котором можно увязнуть' или 'вязкое озеро', ср. *сибдыны* 'вязнуть'. Если суффикс *-ан*, *-он*, характеризующий названия орудий в пермских языках, первоначально имел модальное значение, то возникает вопрос, откуда могло появиться такое значение. Ни один из *н*-овых суффиксов, образующих в уральских языках причастия, этим значением не обладает.

Не связан ли генетически суффикс *-ан*, *-он* в пермских языках с уральским суффиксом *-не*, который в некоторых уральских языках образует формы с ярко выраженным модальным значением?

В финском языке *-ne-* является показателем т. н. возможностного наклонения (*sanojen* 'возможно я скажу'), в венгерском он выступает как показатель условного наклонения (*tanul-né-k* 'я учил бы'), в марийском — как показатель желательного наклонения или опатива (*луд-не-м* 'я хочу читать'), в мансийском языке *-ni-* служит показателем условного наклонения (*вар-ну-вум* 'я сделал бы') и т. д.

Представляется возможным определить первоначальное значение названий орудий в пермских языках: комиЗ *сынан* 'гребень' — 'то, чем можно чесать', ср. *сынавны* 'чесать'; *шыран* 'ножницы' — 'то, чем можно стричь', ср. *шырны* — 'стричь'; *кураан* 'грабли' — 'то, чем можно грести', ср. *куравны* 'сгребать'; удм. *пукон* 'стул' — 'то, на чем можно сидеть', ср. *пукыны* 'сидеть', удм. *чужон* 'метелка' — 'то, чем можно мести', ср. *чужаны* 'мести'.

Однако как объяснить пермские существительные, которые не являются орудиями действия и в значении которых трудно обнаружить какую-либо модальность: удм. *вераськон* 'беседа, разговор', *оскон* 'убеждение, вера', *узырмон* 'обогащение', *сисьмон* 'гниение', *ыштон* 'потеря', комиЗ *олан* 'период жизни', *кысян* 'вязание' и т. д. Причастия на *-ан* в языке коми также могут не иметь какого-либо модального оттенка: *кучик вочан завод* 'кожевенный завод', *вөралан керка* 'охотничья изба-бушка', *вөр пилитан завод* 'лесопильный завод', *чужан лун* 'день рождения', *тыдалан мыж* 'явная вина' и т. д.

Можно предполагать, что в пермских суффиксах отглагольных имен *-он*, *-ан* совпали два суффикса разного происхождения. *-ан* (*-он*) мог быть суффиксом древнего причастия, ориентированного в плоскость настоящего времени. Значение этого причастия не имело модальной окраски. Омониичный суффикс *-ан* (*-он*) мог быть генетически связан с показателем уральского опатива *-не*. От него происходят суффиксы *-ан* (*-он*), типичный для названий орудий действия, и суффиксы причастий необходимости. Авторы грамматик пермских языков поступают неправильно, когда рассматривают эти суффиксы как идентичные, различающиеся только значением.

5. Загадочные семантические параллели.

Коми суффиксы *-ыв-*, *-лы-* могут выражать т. н. рефлексивное действие, которое завершается в относительно короткий промежуток времени, а затем вновь наступает возврат к первоначальному состоянию, например: *Тайб кадб воссис керка одзбс. Керкаб пырис Лиза* 'В это время открылась дверь избы. В избу вошла Лиза'. Формы *воссис* 'открылась' и *пырис* 'вошла' указывают только на завершённый характер действия, но ничего не говорят о том, закрыла ли Лиза за собой дверь, вышла ли она снова из избы. Однако в предложении *Мыччысьлис ва вылысь сбмын лолыштны* 'Показался на поверхности воды, чтобы вздохнуть' суффикс *-лы-* в *мыччысьлис* показывает, что человек появился на поверхности воды на очень короткое время, чтобы вздохнуть, и нырнул под воду снова. Субъект действия фактически вернулся к исходному состоянию.

В языке коми такое значение суффикса *-ыв-*, *-лы-* встречается довольно часто. Примеры: *Кустъяс дорын Катя ещб отчид бергбдчылыс муыслань* 'У кустов Катя еще раз оглянулась на поле'; *Сы юр вестын тыдовтчылыс муыс* 'Земля на мгновение показалась у него над головой'; *Оти здук кежлб вошли вежбрыс* 'На одно мгновение помутилось сознание'; *Ньбблс пывсян код чотик керка, но сйб регидбн сотчис* 'Купил маленькую избу вроде бани, но она скоро сгорела' (Серебренников 1960 : 93—94).

Такое же значение могут выражать в удмуртском языке и суффиксы *-ыл-* и *-лля-*: *Алигес милям вуамы чипей учкылйз* 'Недавно в наши воды щука заглядывала'; *Кыл шедьтымтэеныз со ожытлы чалмытскылйз, но собере ватсаз*: «Улэпесь лулъёс» 'Не найдя слова, он помолчал и наконец добавил: «Живые души»' (Серебренников 1960 : 138).

Интересно отметить, что подобное значение есть и в мансийском языке. Глагольные суффиксы *-ыгл'-*, *-лыг'-*, *-с-*, *-ил-*, *-ал-*, *-апал-* обозначают двухактное действие: *квалыглаңкве* 'встать и снова лечь или сесть', *лавсаңкве* 'сказать слово и замолчать' (Ромбандеева 1966 : 354).

То же значение обнаруживается в селькупском языке у глаголов т. н. двухактно-финитивной совершаемости. Последние указывают на внутреннюю расчлененность действия, состоящего из двух взаимосвязанных актов: из действия и противодействия, прекращающего его. При этом в одних случаях прослеживается только действие и его прекращение (финитивный характер действия), в других — два противоположных акта: действие и противодействие (двухактность действия). Так, финитивность действия подчеркнута, напр., в *sattyrqo* 'куснуть и прекратить кусание' (*sštyqo* 'откусить'), *šäqqyntyrqo* 'поночевать (в каком либо месте) определенное время и прекратить ночевки' (*šäqqyqo* 'ночевать'). Расчлененность действия на два акта выражена в *mintyrqo* 'дать и получить обратно, дать на время (взаимы, напрокат)' (*miqo* 'дать'), *patqyltyrqo* 'нырнуть и вынырнуть' (*patqylqo* 'нырнуть') и т. п. Показателями двухактно-финитивных глаголов служат суффиксы *-ntyр-* (присоединяется ко многим основам на гласный), *-cыр-* (присоединяется к основам на *š*, *l*), *-tyр* (присоединяется к основам на остальные согласные, к некоторым односложным основам на гласный, который при этом выпадает) (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 228, 229).

В языке коми довольно распространен глагольный суффикс *-ышт-*. Он выражает маломерность действия или его недостаточную интенсивность. Маломерность действия обычно характеризуется малой степенью его продолжительности. Понятие «малой меры» в известной степени относительно. Амплитуда колебаний различных «малых мер действия» имеет широкий размах, начиная от мгновенности и кончая довольно значительными объемами относительной маломерности действия. Примеры: *Ламбей октыштис куроксö* 'Ламбей взвел курок'; *Ондрей кыскыштис пыжсö берегö* 'Андрей подтянул лодку к берегу'; *Буситыштис сентябрьса зэр* 'Слегка моросил сентябрьский дождик'» (Серебренников 1960 : 95—97).

В удмуртском языке суффикс *-ышт* употребляется довольно редко.

В селькупском языке некоторые глагольные суффиксы могут обозначать т. н. аттенуативную совершаемость, последняя выражает слабую степень проявления действия, его незначительность, иногда его скрытый характер. Суффикс *-есу-* образует непереходные аттенуативные глаголы совершенного вида от основ непереходных глаголов *žлсесуqo* 'прилечь' (*žлсуqo* 'лечь'), *qantесуqo* 'подмерзнуть' (*qantыqo* 'замерзнуть'), *sžресуqo* 'слегка заржаветь' (*sžрqo* 'ржаветь'). Суффикс *-äpty-* оформляет переходные аттенуативные глаголы совершенного вида от основ и переходных, и непереходных глаголов: *qättäptyqo* 'шлепнуть, слегка ударить' (*qättыqo* 'ударить'), *wэссäptyqo* 'приподнять' (*wэссуqo* 'поднять'), *епäptyqo* 'припугнуть', *епуqo* 'бояться' (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 230—231).

В ненецком языке малую меру действия выражают суффиксы *-йбте-*, *-ебте-*: *тирць* 'летать', *тирдебте* 'полетать немного' (Терещенко 1947 : 182).

По-видимому, этим суффиксам генетически родствен коми суффикс

-*õbt*, обозначающий мгновенное действие, напр. *вачкõбтыны* 'сильно ударить', *резõбтыны* 'брызнуть', *вольскõбтыны* 'скользнуть'. Т. И. Жилина сообщает, что в говоре с. Слудка лужско-летского диалекта широко употребляется глагольный суффикс *-õbt* со значением мгновенности или недолготочности действия (Жилина 1956 : 84).

В пермских языках наблюдаются случаи, когда многократные суффиксы *-сь-* (в коми-зырянском) и *-ськ-* (в удмуртском) обозначают обычное действие, совершающееся в силу установленной привычки или необходимости: коми *вурсьыны* 'портняжничать' (*вурны* 'шить'), *дорсьыны* 'заниматься кузнечным делом' (*дорны* 'ковать'), удм. *вуриськыны* 'постоянно заниматься шитьем, портняжничать' (*вурьыны* 'шить'), *дуриськыны* 'заниматься кузнечным делом' (*дурьыны* 'ковать').

В селькупском языке есть группа глаголов характеристических совершаемостей, которые выражают не признаки действия как такового, а отношение действия к его субъекту, т. е. характеризуют субъект с точки зрения его способности производить определенное действие.

С помощью суффикса *-ty* образуются глаголы, обозначающие действие, к которому субъект склонен, которое для него привычно, регулярно, часто — профессионально: *tämtyoqo* 'заниматься торговлей' (*tämyqo* 'купить'), *teltyqo* 'заниматься воровством' (*tältyqo* 'украсть') (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 232—233).

В чем смысл приведенных сопоставлений? Как известно, могут существовать ареалы распространения определенных языковых явлений: фонетических, морфологических или синтаксических. Однако, по-видимому, существуют и ареалы распространения определенных, аналогично выраженных, значений. Пермские языки в этом отношении тяготеют к западносибирскому ареалу. Они обнаруживают ту специфическую манеру обозначения, которая характерна для селькупского языка и обско-угорских, но не свойственна ни марийскому, ни мордовским, ни прибалтийско-финским языкам.

Чем объяснить это загадочное явление? Придется допустить, что прародина пермских народов была не в бассейне Камы, а в Западной Сибири, где прапермский язык подвергался влиянию какого-то неизвестного языкового субстрата. Результаты этого влияния обнаруживаются также в селькупском и отчасти в обско-угорских языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. 1955, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград. Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962.
- Жилина Т. И. 1956, О говоре села Слудка. — Историко-филологический сборник, вып. 3, Сыктывкар, 79—86.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку, Москва.
- Поздеева А. А. 1948, Синтаксические функции именной формы *-ez*, *-ыз* в пермских языках. Канд. дисс., Ленинград.
- Ромбандеева Е. И. 1966, Мансийский язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 343—360.
- Серебренников Б. А. 1960, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
- 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Современный коми язык I. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955.
- Терещенко Н. М. 1947, Очерк грамматики ненецкого языка. Ленинград.
- Најдú, Р. 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest.

B. A. SEREBRENNIKOV (Moskau)

ZU EINIGEN PROBLEMEN DER GESCHICHTE DER FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

Die Widersprüche in der Theorie, daß das ostseefinnische Merkmal *-l-* der äußeren Lokalkasus auf das Suffix *-la* der Lokalitäten (z. B. *Kalevala* 'Kalevas Land', *setälä* 'Onkelhaus') zurückgeführt werden kann, sind ganz offensichtlich, denn *-la* kann niemals die Bedeutungen der äußeren Lokalkasus erzeugen. Der Autor nimmt an, daß in der finnisch-ugrischen Grundsprache ein besonderer Kasus — der Extralokativ — existierte, der etwas Außerhalb befindliches bezeichnete. Später entwickelte sich dieser in zwei Richtungen: 1. wurde er zur Bildung der äußeren Lokalkasus in den ostseefinnischen Sprachen, z. T. auch im Urpermischen und Tscheremissischen, benutzt; 2. ist auf seiner Grundlage der ugrische Ablativ entstanden.

Zur Herkunft des Objektmerkmals *-l-* in den Formen der objektiven Konjugation in den ugrischen Sprachen meint der Autor, daß sich dieses Merkmal aus dem Suffix *-l-* der frequentativen Verben entwickelt hat.

Es wird vermutet, daß es im Urtscheremissischen den postpositiven bestimmten Artikel *-ət* gab. Darauf weist vor allem das Suffix *-ət* der vollständigen Formen der Grundzahlwörter (z. B. *kokət* 'zwei') hin. In den permischen Sprachen übt das Merkmal der emphatisch betonten Zahlwörter gleichzeitig die Rolle des postpositiven bestimmten Artikels aus.

Weiterhin wird die Herkunft der Suffixe *-an*, *-on*, die in den permischen Sprachen für die Benennung der Werkzeuge typisch sind, untersucht. Vgl. syrj. *synan* 'Kamm', *šyran* 'Schere'; udm. *čužon* 'Besen', *šulon* 'Pfeife'. Der Verfasser nimmt an, daß diese Suffixe ehemals eine optativische Bedeutung hatten und Dinge bezeichnen, womit eine Tätigkeit möglich wäre. Es wird die Meinung vertreten, daß diese Suffixe mit dem Merkmal *-ne-* des finnisch-ugrischen Optativs genetisch verwandt sind.

Abschließend wird in «Rätelhafte semantische Parallelen» die Aufmerksamkeit darauf gelenkt, daß die permischen und manche Sprachen Sibiriens die gleiche Neigung in der Bezeichnung einiger Eigenschaften des Verbs aufweisen. Eine gleiche Neigung ist im Mordwinischen, Tscheremissischen und in den ostseefinnischen Sprachen nicht zu verzeichnen.